Преподобный
НИЛ СИНАЙСКИЙ
О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХ ДУХАХ
ГНЕВ
ЛЕНЬ
ЧРЕВОУГОДИЕ
ПЕЧАЛЬ
ДРЕБЕДОЛЮБИЕ
ТЩЕСЛАВИЕ

Преподобный Нил
Синайский (Анкирский)

«О восьми лукавых духах» и другие аскетические творения

«Сибирская Благозвонница»

Синайский (Анкирский) П.

«О восьми лукавых духах» и другие аскетические творения / П. Синайский (Анкирский) — «Сибирская Благозвонница»,

ISBN 978-5-457-27790-8

Преподобный Нил Синайский (Анкирский) (f около 430) – ученик свт. Иоанна Златоуста и великий отец Синайской пустыни. В книге помещены его нравственно-аскетические произведения: «О восьми лукавых духах», «О том, что пребывающие в безмолвии в пустынях преимуществуют пред живущими в городах», «Увещание к монахам», «Мысли, которые человека отводят от тленного и прилепляют к нетленному», «Главы увещательные», «Об учителе и учениках». Преподобный Нил Синайский вслед за Евагрием Понтийским развивает известную классификацию восьми основных греховных помыслов (страстей): чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Его тонкий аскетико-психологический анализ этих страстей помогает христианину успешно бороться с ними и совершенствоваться внутренне, что делает книгу полезной как для монашествующих, так и для самого широкого круга православных читателей.

ISBN 978-5-457-27790-8

© Синайский (Анкирский) П.
© Сибирская Благозвонница

Содержание

Предисловие 6
Преподобный Нил Синайский 10
1. О чревоугодии 11
Глава 1 11
Глава 2 11
Глава 3 11
2. О БЛУДЕ 13
Глава 4 13
Глава 5 13
Глава 6 14
3. О сребролюбии 15
Глава 7 15
Глава 8 15
4. О гневе 16
Глава 9 16
Глава 10 16
5. О Печали 17
Глава 11 17
Глава 12 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Преподобный Нил Синайский (Анкирский) «О восьми лукавых духах» и другие аскетические творения

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-220-1729

Публикуется по: Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1–2. М., 1858 (Творения святых отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии; т. 31–32). С. 201–222, 246–256,197-232.

Предисловие

Преп. Нил Анкирский, также именуемый Нилом Синайским и Нилом Постником, – великий подвижник, святой отец Церкви IV–V веков, столь известный, что его именем еще в древности стали подписывать даже не принадлежавшие ему произведения. Память Нила Синайского в Православной Церкви празднуется 12/25 ноября.

Сведения о преп. Ниле весьма отрывочны, поэтому некоторые ученые даже выдвигали гипотезы о том, что преп. Нилов было два: один – автор во многом биографического «Сказания об избиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына Нилова», а другой – автор большого корпуса писем, а также трактатов о монашеской жизни и комментария на Песнь песней. Именно второму Нилу и были впоследствии приписаны сочинения, написанные несколько ранее Евагрием Понтийским[1]. Впрочем, вопрос о справедливости подобных предположений остается до конца не решенным, а потому на основании древних церковных свидетельств и сохранившихся творений под именем преп. Нила мы вкратце опишем жизненный путь этого святого отца как одной исторической личности.

Византийский историк Георгий Амартол в своей «Хронике» в середине IX века причисляет преп. Нила к числу учеников свт. Иоанна Златоуста (355–407), архиепископа Константинопольского, наряду со святыми Проклом Константинопольским, Палладием Елленопольским, Марком Подвижником и Исидором Пелусиотом[2]. Свидетельствуют об этом святом отце и некоторые другие исторические источники: Константинопольский синаксарь, историки Георгий Кедрин и Никифор Каллист. Как видно из писем самого преп. Нила, до конца своих дней он глубоко почитал память своего учителя Иоанна Златоуста и в одном из писем даже отказывает в молитвах о столице самому императору Аркадию, считая произошедшие с городом бедствия следствием несправедливого судилища над Златоустом.

Некоторые современные историки считают, что преп. Нил назван Анкирским, потому что родился, вырос и провел подвижническую жизнь в Анкире – в Малой Азии. Впрочем, можно сказать и так: Нил родился и вырос в Анкире, а затем удалился в Синайскую пустыню[3], потому и именуется Синайским.

Преп. Нил родился в богатой семье где-то в 340–350 году. Получив прекрасное образование, стал епархом или префектом столицы – Константинополя. Монашество принял около 390 года, а скончался приблизительно в 430 году. «В миру святой Нил был женат и имел двух сыновей, но стремление к уединению и подвижнической жизни все больше и больше возрастало в его боголюбивой душе. Оно заставило Нила оставить высокую должность префекта и семейную жизнь», что, впрочем, произошло не без тяжелой внутренней борьбы. С одним из своих сыновей, Феодулом, он отправляется на Синай. Жена же преп. Нила удалилась в один из египетских монастырей»[4].

По словам священномученика Серафима (Звездинского), жизнь синайских «монахов-от-шельников рисуется у преп. Нила возвышенными, идеальными чертами. Отшельники обитали на Синайском полуострове, полном самых священных воспоминаний. Здесь некогда возгорелся чудесный огонь купины, привлекший своей необычайностью Боговидца Моисея; здесь этот великий муж при трубных звуках, среди блеска молнии и раскатов грома

---

[1] См.: Neilos of Ankyra //The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New-York; Oxford, 1999. P. 1450.

[2] См.: *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 7.

[3] *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 8.

[4] *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 11–13.

созерцал Иегову, внимая Его Божественным предначертаниям (Исх. 3:19). Сюда некогда от злых козней Иезавели пришел великий пророк Израильский, вдохновенный Илия… где в гласе хлада тонка пророк узрел Бога (3 Цар. 19). Живя в стране этих двух великих ветхозаветных подвижников, отшельники подражали и их добродетелям, поучаясь их некичливости. В тихом безмолвии, вдали от всякого мятежа они работали над самими собой, очищали свою душу, дабы соделать ее способной входить в содружество с горним миром, возвести ее на степень постоянного созерцания Божества… Духовная, внутренняя красота отшельников всецело отражалась и на их внешнем быте, который был копией жизни внутренней. Нужно заметить, что отшельники жили двоякого рода жизнью. Подземелья и пещеры служили жилищем для одних, построенные хижины для других… Но и при жизни в хижинах во всей своей силе сохранялся основной принцип отшельничества: строгая обособленность друг от друга, полнейшее уединение. Отшельнические хижины располагались одна от другой на расстоянии 20 стадий (около 3 *Vi* верст и более)… Трогательную картину должны были представлять собой общие собрания отшельников в воскресные дни, когда все они из своих хижин и пещер стекались в одну церковь, приобщались здесь Божественных Таин, услаждая здесь друг друга упражнением в приличных беседах, умащая один другого нравственными советами. Кроме того, отшельники участвовали вместе в ночных бдениях, которые у них отличались большой продолжительностью и заканчивались уже к глубокому утру»[5].

Около 410 года на монашеское поселение напали варвары. Убив некоторых братьев, других они пленили и, отведя к себе, готовились принести в жертву языческим богам или продать. Среди пленников оказался сын преп. Нила Феодул. Оставшийся на свободе преп. Нил делал все, чтобы спасти сына, и Господь внял его горячим молитвам: не дал варварам возможности убить Феодула, принеся его в жертву, – он был продан в рабство, затем выкуплен христианским епископом и в конце концов найден преп. Нилом. Выкупивший Феодула епископ рукоположил отца и сына в священный сан и отпустил с миром обратно в пустыню к монахам, где преп. Нил продолжил свои подвиги.

После кончины преп. Нила его тело император Юстин Младший (правл. 565–578) перенес в Константинополь в храм Святых Апостолов, откуда впоследствии останки святого отца были перевезены на Афон[6]. Уже участники VII Вселенского Собора упоминали о преп. Ниле как о «святом и славном отце».

Среди произведений Нила Анкирского исследователи выделяют три группы: подлинные; те, которые можно приписать Нилу Анкирскому с долей сомнения; лишь надписанные его именем, но не принадлежащие ему. Творения преп. Нила сохранились на греческом, сирийском и других языках. Большая часть творений на греческом языке была издана в XIX веке в «Патрологии» Миня. На русском языке эти произведения появились в серии «Творения святых отцов в русском переводе»[7], а некоторые были переведены свт. Феофаном

Затворником и напечатаны в «Добротолюбии». Для предлагаемого читателю издания взяты следующие творения.

«О восьми лукавых духах» (более точный перевод: «О восьми духах лукавства», «О восьми духах злобы») – трактат, имеющий своим предметом различение восьми главных греховных страстей или тяжких грехов: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. В IV веке идея восьми главных грехов была распространена в монашеской письменности. Об этих грехах писали свои трактаты преп. Иоанн Кассиан Римлянин и Евагрий Понтийский. Эти грехи «были названы главными грехами не только потому,

---

[5] *Серафим (Звездинский), архим.* Иноческий быт в описании преп. Нила Синайского. Оттиск из журнала «Голос Церкви». М., 1915. С. 4–6.

[6] *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. С. 19.

[7] Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1–2. М., 1858; Ч. 3. М., 1859 (т. 31–33 серии ТСО). В нашей книге это издание сокращенно обозначено как ТНС.

что они тяжкие, но и потому, что они способствуют росту прочих грехов»[8]. Особо стоит отметить категорический запрет преп. Нила на близкое общение лиц монашеского звания с лицами противоположного пола (главы 3–7), так как это ведет к мысленным и нравственным падениям и, следовательно, к духовному «регрессу» монашествующих.

Произведение «О том, что пребывающие в безмолвии в пустынях преимуществуют пред живущими в городах, хотя многие из неопытных противного сему мнения» посвящено безмолвию (исихии) как неотъемлемому элементу идеала истинной монашеской жизни. Здесь преп. Нил защищает идеал исихастского монашества от упреков в бесполезности и «неэффективности» со стороны предпочитающих монашескую жизнь в городских монастырях, в миру и дает прочное аскетическое обоснование своей позиции. По словам прот. Георгия Флоровского, «преп. Нил писал в эпоху монашеского упадка. В его творениях резко звучит обличительный мотив… Нил прежде всего напоминает о смысле и безусловности монашеского отречения. Это есть выход из городской, “политической” жизни. Это есть евангельская “беззаботность”, в надежде на милость и щедрость Божию – отказ и забвение о житейских заботах»[9]. Преп. Нил красноречиво возражает поборникам служения монахов в миру: «И почему иные почитают наиболее достойными тех, которые полезны для других, нежели тех, которые в добродетели полезны для себя? Мне кажется, что они непременно похвалят того, у кого горит дом и все имущество в доме объято пламенем, а он, послушавшись убеждения друзей, идет с ними для сватовства или для предстательствования [за кого-то], потому что потребность друзей признал более достойною предпочтения, нежели прекращение пожара в доме; и в таком случае окажут уважение тому, кого рассуждающие здраво должны заподозрить в умоповреждении и безумии». Тем самым преп. Нил побуждает не увлекаться монашествующих мнимым человеколюбием (как сейчас говорится, «социальным служением»), в ущерб душе отвлекающим ум от собственного спасения и подающим поводы ко греху. А такое спасение лучше всего, по его мнению, обретается как раз посредством безмолвия и удаления от мирского многолюдства, в чем и состоял древний монашеский идеал. «Жизнь в пустыне ведет к нераздельному единению с Богом, так как защищает от опасностей, происходящих от мира»[10]. Евангельским подтверждением предпочтительности безмолвия считается предпочтение Господом Марии перед Марфой. Оба вышеупомянутых произведения исследователь И. Кастен относит к числу подлинных творений преп. Нила Анкирского.

В книге также помещены собрания сентенций – кратких высказываний на аскетические темы: «Увещание к монахам», «Мысли, которые человека отводят от тленного и прилепляют к нетленному», «Главы увещательные», восемь сентенций, изданных Суаресом и отдельно помещенных в «Патрологии» Миня, несколько высказываний, которых нет в издании Миня, но которые добавлены в дореволюционное русское издание творений преп. Нила Синайского из рукописи. Еще свт. Фотий Константинопольский и Никифор Каллист упоминают о том, что преп. Нил составил главы или сентенции. При этом свт. Фотий упоминает о сотнице глав («Библиотека», кодекс 201) авторства преп. Нила. Впрочем, некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы признать три собрания сентенций, опубликованных Минем, не принадлежащими перу Нила: они либо составлены из его творений впоследствии, либо вовсе их автор – Евагрий Понтийский.

---

[8] *Quasten J.* Patrology. Vol. 3: The Golden age of Greek Patristic Literature from the Council of Nicaea to the Council of Chalkedon. Westminster, 1986. P. 501. С.А. Зарин считает «более правдоподобной гипотезу о *постепенно-коллективном* происхождении схемы, если не подробностях, то в самой идее и общих очертаниях» *(Зарин С.Л.* Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 315).

[9] *Флоровский Г.В.* Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992. С. 166.

[10] *Quasten J.* Patrology. Vol. 3. P. 500.

«Увещание к монахам» И. Кастен считает неподлинным творением преп. Нила. Перевод этого собрания сентенций на русский язык был сделан свт. Феофаном и помещен в «Добротолюбии». В предлагаемой читателю книге мы публикуем собственный перевод. Это произведение посвящено духовной брани – борьбе с помыслами, цель которой – укрепление души и ее мысленной и волевой силы: «уничтожить в себе памятование о том, что приводит в движение страсти… чтобы со временем одержать верх, с каждым днем умаляя силу с ним борющегося и увеличивая свою собственную». В итоге, успешно искореняя внутреннее зло, нужно сделать добродетели в своей душе навыком – устойчивым складом души, «так что последняя от упражнений ежедневно преуспевает в зрелости и навыкает одолевать противников. Так привычка переходит в навык, а навык обращается в природу и приобретение соблюдает непреложным для приобретшего». Автор настойчиво предупреждает читателя, что необходимо быть внимательным к своему внутреннему миру – помыслам, мысленным грехам, так как «из всего этого мы научаемся, что малые и ничего не значащие грехи доводят нас до больших грехов и равнодушие к грехам малым пролагает путь грехам тягчайшим».

Заключает книгу перевод на русский язык краткого трактата преп. Нила (иногда приписывается также Евагрию Понтийскому) под названием «Об учителе и учениках». И. Кастен относит его к числу подлинных произведений преп. Нила и называет «руководством для игуменов, наставников и пасомых, оформленным в виде сентенций»[11]. В этом тексте ярко описывается высокое предназначение пастыря и его обязанности и ответственность перед Богом за своих подчиненных.

Произведения, изданные первоначально на греческом языке в издании «Патрологии» Ж.-П. Миня[12], снабжены в тексте соответствующими номерами колонок-страниц в квадратных скобках. Дореволюционный перевод ТНС был в некоторых местах отредактирован в соответствии с греческим текстом и выстроен в том порядке, в котором творения помещены в издании Миня.

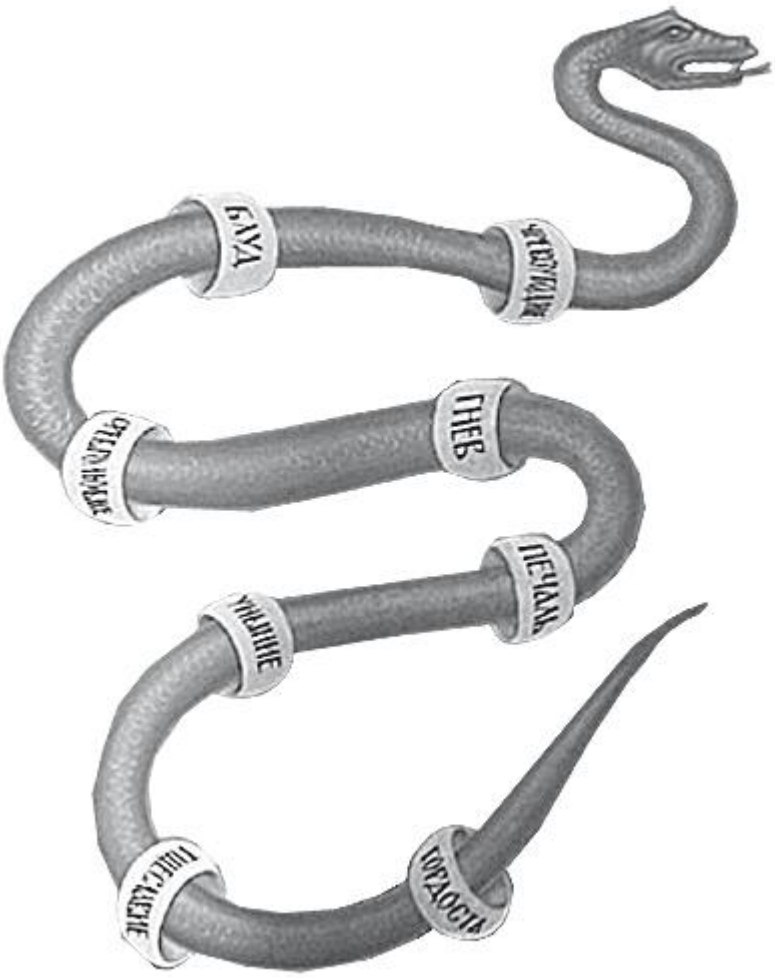
Редакция надеется, что книга принесет духовную пользу читателям, как монашествующим, так и мирянам, поможет им во внутреннем совершенствовании и в более глубоком усвоении древнего святоотеческого аскетического наследия, неотъемлемой частью которого являются творения преп. Нила.

П. Доброцветов

[11] Данный текст, содержащийся в двух Парижских кодексах (Paris, gr. 1188 + 1066) был впервые издан П. ван ден Веном в 1908 г.: *P. van den Ven.* «Un opuscule inédit attribué à S. Nil» // Mélanges Gode-froid Kurth. Vol. 2 [Mémoires littéraires, philologiques et archéologiques]. Liège: Faculté de Philosophie et Lettres de PUniversité de Liège, 1908. P. 76, 78, 80.

[12] Patrologiae cursus completus graecae (далее – PG.).T. 79. Paris, 1863.

Преподобный Нил Синайский
О восьми лукавых духах



[PG. T. 79. Col. 1145]
О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХ ДУХАХ

1. О чревоугодии

(γαατριμαργία)

Глава 1

Начало плодоносил [растения] – цветок, и начало [аскетического] делания – воздержание. Господствующий над чревом умаляет силу страстей, а преодолеваемый желанием снедей увеличивает силу сластолюбия. Начало язычников – Амалик, и начало страстей – чревоугодие. Пища огню – дрова, а пища чреву – снеди. От множества дров возгорается великое пламя, а множество снедей питает похоть. Пламень ослабевает с оскудением горючего вещества, а скудость снедей приводит в бессилие похоть. Кто овладел челюстью, тот избил иноплеменников и без труда развязал узы на руках своих (см. Суд. 15:14). *Избиение челюстное* (Суд. 15:17) произвело источник воды, и доведенное до бездействия чревоугодие породило деятельное созерцание. *Кол кущный* (Суд. 4:21), пронзив челюсть, умертвил врага, а слово воздержания умертвило страсть. Пожелание снеди породило преслушание (Быт. 3:6), а усладительное вкушение изгнало из рая. Многоценные снеди услаждают гортань, но питают и неусыпающего червя невоздержания. Отощавшее чрево приготовляет к тому, чтобы бодрствовать в молитве, а пресыщенное наводит глубокий сон. Трезвенны мысли при сухоядении, а жизнь роскошная погружает ум в глубину. Молитва постника – воспаряющий птенец орла, а молитва упивающегося, отягчаемая пресыщением, увлекается вниз. Ум постника – светлая звезда на чистом небе, а ум упивающегося – в затмении среди безлунной ночи. Туман скрывает солнечные лучи, а грубые испарения съеденных яств омрачают ум.

Глава 2

Замаранное зеркало не передает вполне отобразившегося в нем образа, и сила мышления, притупленная пресыщением, не приемлет в себя вёдения Божия. Невозделываемая долго земля порождает терния, и ум чревоугодника произращает срамные помыслы. Невозможно найти аромат в нечистотах, и в чревоугоднике – благоуханий созерцания. Око чревоугодника высматривает, где пиршества, а око воздержного – где собрания мудрых. Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает их жизни. Боязливый воин трепещет от звука трубы, возвещающей битву, а чревоугодник – от проповеди о воздержании. Чревоугодливый монах – данник своего чрева и под бичом выплачивает [Col. 1148] ежедневный налог. Торопливый путник скоро достигнет города, и воздержный монах – умиренного состояния. Медлительный путник останавливается на ночлег в пустыне под открытым небом, и монах-чревоугодник не придет в дом бесстрастия. Курение фимиама благоуханием наполняет воздух, и молитва воздержного – Божие обоняние. Если предашься пожеланию снедей, то ничего не будет достаточно к удовлетворению сластолюбия, потому что желание снедей есть огонь, всегда приемлющий горючее вещество и всегда пламенеющий. Достаточная мера наполняет сосуд, а чрево, и расседшись, не скажет: «Довольно!» Воз деяние рук обратило в бегство Амалика (Исх. 17:11), и возвышенные деяния покоряют плотские страсти.

Глава 3

Истребляй в себе все, что дает дыхание пороку, и с силою умерщвляй плотские члены свои. Как убитый враг не внушает тебе страха, так умерщвленное тело не возмутит твоей

души. Мертвое тело не чувствует боли от огня, и воздержный – удовольствия от омертвевшей похоти. Если поразишь египтянина, то скрой его в песке (ср. Исх. 2:12) и по случаю преодоления страсти не утучняй тела. Ибо как сокрытое в тучной земле дает росток, так в утученном теле расцветает страсть. Потухающий пламень от вложенных в него сухих сучьев снова делается ярким, и угасшее сластолюбие воспламеняется от пресыщения снедями. Не жалей тела, жалующегося на бессилие, и не утучняй его дорогими снедями. Если придет оно в силу, то восстанет на тебя и поведет с тобой непримиримую брань, пока не пленит твою душу и не предаст тебя в рабы страсти блуда. Скудно питаемое тело – обузданный конь и никогда не сбросит с себя всадника, потому что конь, сдерживаемый уздою, уступает и повинуется руке возницы, а тело укрощается голодом и бдением и тогда не рвется из рук восседающего на нем помысла, не ржет, движимое страстным устремлением.

2. О БЛУДЕ

(πορνεία)[1]

Глава 4

Воздержанием порождается целомудрие, чревоугодие же – матерь невоздержности. Елей питает пламень светильника, а обращение с женщинами возжигает огонь сластолюбия. Напором волн обуревается ненагруженный корабль, а блудным помыслом – невоздержный ум. Блуд возьмет в помощники себе пресыщение, потому что разойдется с ним[2], станет заодно с противниками и до конца будет сражаться вместе с врагами. Кто любит безмолвие, того не уязвят стрелы врага, а кто смешивается с толпой, тот часто получает раны. Воззрение на женщину – ядовитая стрела, уязвляет душу, вливает в нее яд и чем продолжительнее, тем большее производит загноение. Кто охраняет себя [Col. 1149] от этих стрел, тот не ходит на народные собрания, не предается рассеянию на празднествах. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать в молитвах, нежели, думая почтить праздник, сделаться скорой добычей врагов. Избегай свидания с женщинами, если хочешь быть целомудренным, и не давай им свободы когда-либо доверяться тебе. Ибо вначале или действительно имеют, или лицемерно оказывают уважение, а впоследствии бесстыдно отваживаются на всё; при первом свидании поникают они взором долу, говорят кротко, с состраданием проливают слезы, бывают пристойно одеты, горестно воздыхают, предлагают вопросы о чистоте и со тщанием слушают. Видишь их во второй раз, и взор их поднят несколько выше, а в третий – смотрят уже, бесстыдно улыбаясь, даже разливаются громким смехом; наконец, приходят нарядные, ясно выказываются пред тобою, такой вид дают взгляду, который возвещает страсть, поднимают брови, не оставляют в покое ресниц, обнажают шею, во всем теле обнаруживают негу, произносят слова, ласкающие страсть, самым выговором стараются обольстить слух, пока всеми силами не опутают душу. И делается это для тебя крючком, уловляющим в смерть, хитросплетенною сетью, влекущею в погибель. Да не введут же тебя в обман скромными речами, потому что в них сокрыт вредоносный звериный яд!

Глава 5

Подойди лучше к горящему огню, нежели к юной женщине, когда и сам ты юн, потому что, приблизившись к огню и почувствовав боль, тотчас отскочишь прочь, а разнежась от женских речей, не сразу отойдешь. Разрастается трава, растущая при воде, и страсть распутства – в сообществе с женщинами. Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что остановит силу огня, попаляющего солому. Как невозможно удержать стремительность огня, разливающегося по соломе, так невозможно остановить стремление к распутству, воспламеняемое при пресыщении. Столп поддерживается основанием, а страсть блудная – пресыщением. Обуреваемый корабль поспешает в пристань, и целомудренная душа ищет пустыни. Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностью, а душа – от женских лиц, причиняющих погибель. Вид нарядной женщины потопляет хуже волны. Из [морских] волн по любви к жизни можно еще выплыть, а обольстительный вид женщины убеждает пренебречь и самою жизнью. Пустынный куст безвредно избегает огненного пламени, и целомудренный вдали от женщин не воспламеняется страстью распутства. Как воспоминание об огне не жжет мысли, так и страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи.

Глава 6

Если помилуешь неприятеля, то будет у тебя враг, и если пощадишь страсть, то восстанет на тебя. Воззрение на женщину невоздержного возбуждает к сластолюбию, а целомудренного располагает [Col. 1152] к прославлению Бога. Если страсть при встречах с женщинами будет оставаться в покое, не верь обещаемому ею бесстрастию. Ибо и пес, окруженный толпою, машет хвостом, а вышедши из толпы, показывает свойственную ему злость. Когда воспоминание о женщине делается бесстрастным, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. А когда представляемый тобою образ ее побуждает к лицезрению и стрелы ее касаются души твоей, тогда думай о себе, что ты еще вне добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таковых помыслах и мысленно не беседуй долго с женским образом, потому что страсть любит возвращаться назад и опасность близка. Как соразмерное плавление очищает серебро, а продолженное сверх меры производит в нем утрату, так целомудренный навык портится от долговременного представления в мыслях женщины. Недолго беседуй с явившимся тебе лицом, чтобы не зажгло в тебе пламени сластолюбия и не запалило гумна души твоей. Как долго остававшаяся в соломе искра производит воспламенение, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть. [Col. 1153]

3. О сребролюбии

(φιλαργυρία)

Глава 7

Сребролюбие – корень всех зол (1 Тим. 6:10): как худые ветви, питает оно прочие страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело. Кто хочет истребить страсти, тот пусть исторгает корень, а пока остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви, потому что, если и будут отсечены, скоро опять вырастут. Многостяжательный монах – корабль, перегруженный и легко потопляемый в мятущихся от бури волнах. Как кораблю, в котором открылась течь, прибавляет опасности каждая волна, так многостяжательный больше и больше утопает в заботах. Монах нестяжательный – хорошо снаряженный путник, который на всяком месте находит себе пристанище. Монах нестяжательный – орел, парящий высоко, который тогда только опускается вниз за пищею, когда вынуждает потребность. Таковой выше всякого искушения, смеется над всем нынешним, поднимается ввысь, удаляется от всего земного, обитает вместе с горними, потому что легки у него крылья, не обременены заботами. Пришла скорбь – и без печали оставляет он место; настигла смерть – благодушно преселяется отсюда, потому что никакими земными узами не связал душу. А многостяжательный связан попечениями и, как пес, привязан цепью: если принужден переселиться, несет с собою тяжкое бремя и бесполезную скорбь – воспоминание об имуществе; уязвляет его печаль, и сильно мучается он в мыслях. Оставил он имущество? Терзает его печаль. Если пришла смерть к нему, с жалостью оставляет настоящее, отдает душу – и глаз не отводит от того, что имеет у себя; насильно влекут его, как беглого раба; разлучается с телом, но не разлучается с имением; сильнее влекущих удерживает его страсть.

Глава 8

Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и пожелание сребролюбца не удовлетворяется деньгами, что у него собраны; удвоил он это, и желает сделать еще вдвое большим, и никогда не перестает удваивать, пока смерть не прекратит сего бесполезного рачения. Монах благоразумный будет иметь в виду только потребность тела и оскудение чрева удовлетворит хлебом и водой, не будет льстить богатым, чтобы доставить удовольствие чреву, не поработит свободного ума многим властелинам, потому что достаточно одних рук, чтобы услужить телу и удовлетворить естественную необходимость. Нестяжательный монах – не дающийся в руки борец и легкий скороход, скоро достигающий *почести вышнего звания* (Флп. 3:14).

Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный – венцам за преуспеяние. Монах сребролюбивый усилен в работах, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы золотом, а нестяжательный собирает *сокровище на небе* (Мф. 6:20). Проклят, кто делает идола и полагает его *в сокровении* (Втор. 27:15), а также тот, кто имеет страсть сребролюбия: тот кланяется бесполезному слитку, а этот мечтание о богатстве носит вместо кумира.

4. О гневе

(οργή)

Глава 9

Гнев – неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих ве́дение, зверскою делает душу, заставляет уклоняться от всякого общения. Сильный ветер не колеблет столпа, и душу негневливую не увлечет раздражение. Вода приводится в движение *от зелных ветров* (Прем. 4:4), и раздражительный возмущается безрассудными помыслами. Гневливый монах – вепрь пустынный[3]: увидел кого-нибудь – и точит зубы. Распространившийся туман сгущает воздух, возбужденная раздражительность делает грубым разум гневливого. Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлобия – ум. Лев, запертый в зверинец, ни на минуту не оставляет в покое дверных крюков, а раздражительный в келлии – гневливых помыслов. Приятное зрелище – спокойное море, но не так приятно, как мирное состояние духа. В тихом море плавают дельфины, а при мирном состоянии духа возникают боголепные помышления. Долготерпеливый монах – тихий источник, всем доставляющий приятное питие, а разум гневливого всегда возмущен и не дает воды жаждущему; если же и дает, то мутную и негодную. У раздражительного глаза мутны и налиты кровью, возвещают возмущенное сердце, а лицо долготерпеливого спокойно, глаза приятны и смотрят прямо.

Глава 10

Кротость мужа поминается у Бога (см. Пс. 131:1), и душа негневливая делается храмом Святаго Духа. [Col. 1156] Христос приклоняет главу (ср. Мф. 8:20) в долготерпеливом духе, и умиренный разум делается обителью Святой Троицы. Лисицы живут в душе злопамятной, и логовищем зверей служит сердце смятенное. Честный муж избегает гнусного пристанища, и Бог – злопамятного сердца. Упавший камень возмущает воду, и худое слово – сердце мужа.

Удали гневные помыслы из души твоей и раздражение да не водворяется в сердце твоем, чтобы не возмущаться тебе во время молитвы. Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие – ум во время молитвы. Помыслы раздраженного – *порождения ехиднины* (Мф. 3:7), пожирают породившее их сердце. Молитва раздраженного – мерзостное воскурение, псалмопение гневного – неприятный звук, дар злопамятного – червивая жертва, и да не приближается к очистительным алтарям. Возмущающие сны видит раздраженный, и нападения зверей мечтаются гневливым. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов, и непамятозлобивый упражняется в духовных словесах, ночью приемлет разрешения тайн.

5. О Печали

(λύπη)

Глава 11

Опечаленный монах не знает духовного наслаждения, печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов. Раздражительность есть пожелание отмщения, и неуспех в отмщении порождает печаль. Печаль есть львиная пасть и легко поглощает опечаленного. Печаль есть червь в сердце и пожирает родившую его матерь. Мучается матерь, рождая чадо, а когда родит, освобождается от мук; но печаль, рождаясь, возбуждает великую боль и, оставаясь после болезней рождения, причиняет немалую болезнь. Опечаленный монах не знает духовной радости, как страждущий сильной горячкою [не чувствует] вкуса меда. Опечаленный монах не подвигнет ума к созерцанию и никогда не восшлет[4] чистой молитвы, потому что печаль – препятствие всему доброму. Узы на ногах – препятствие скорому шествию, а печаль – препятствие созерцанию. Пленника варвары оковывают железом, а пленника страстей связывает печаль. Не усиливается печаль, когда нет других страстей, как и узы не вяжут, когда нет связующих. Кто связан печалью, тот побежден страстями и в обличение своего поражения носит узы, потому что печаль бывает следствием неудачи в плотском пожелании, а пожелание сопрягается со всякою страстью. Кто победил пожелание, тот победил страсть, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль. Не печалится воздержный, что не удались снеди, и целомудренный, что не успел в задуманном неразумно распутстве, и негневливый, что не смог отомстить, и смиренномудрый, что лишен человеческой почести, и несребролюбец, что потерпел утрату. Они с силою отклонили от себя пожелание всего этого, потому что как одетого в броню [Col. 1157] не пронзает стрела, так бесстрастного не уязвляет печаль.

Глава 12

Воину доставляет безопасность щит и городу – стена, но более щита и стены доставляет безопасность монаху бесстрастие. Ибо щит пробивает стремительно летящая стрела и стена разоряется множеством воителей, а бесстрастия не превозможет печаль. Овладевший страстями овладел и печалью, а побежденный сластолюбием не избежит ее уз. Кто часто печалится и приписывает себе бесстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым. Как больной виден по цвету лица, так страстного изобличает печаль. Кто любит мир, тот много будет печалиться. А кто небрежет о том, что в мире, тот всегда будет веселиться. Сребролюбец, понесши утрату, горько будет печалиться, а пренебрегающий деньгами будет беспечален. Славолюбивый опечалится, когда потерпит бесчестие, а смиренномудрый примет его как совоспитанника. Плавильная печь очищает недобротное серебро, и печаль по Богу – сердце, погрязшее во грехах. Частое плавление убавляет свинец, и мирская печаль умаляет разум. Темнота уменьшает деятельную силу глаз, и печаль расслабляет созерцательный ум. В глубину воды не проходит солнечный свет, и сердца в печали не озаряет созерцание света. Всякому человеку приятен солнечный восход, но и им не услаждается печальная душа. Болезнь желтуха отнимает ощущение вкуса, и печаль отъемлет чувство у души. Но кто пренебрегает мирскими удовольствиями, того не тревожат печальные помыслы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.